

веровавший во все предписания церкви, мог воевать и, воюя, гордиться своим военным званием; но как может верующий христианин или даже неверующий, но весь невольно проникнутый христианскими идеалами братства людей и любви, которыми воодушевлены произведения философов, моралистов, художников нашего времени, — как может такой человек взять ружье или стать к пушке и целиться в толпы ближних, желая убить их как можно больше“.*) „Непосредственное чувство говорит людям, что не должно быть того, что они делают, но как тот убийца, который, начав резать свою жертву, не может остановиться, так и русским людям кажется теперь неопровержимым доводом в пользу войны то, что дело начато. Война начата и потому надо продолжать ее. Так это представляется самым простым, заблудшим, неученым людям, действующим под влиянием страстей и одурения, которому они подверглись. И точно так же рассуждают самые ученые люди нашего времени, доказывая то, что человек не имеет свободы воли и потому, если бы он и понял, что начатое им дело нехорошо, он не может остановиться. И ошалевшие, озверевшие люди продолжают ужасное дело“. ***)

Год спустя в другом своем сочинении: „Единое на потребу“ Лев Николаевич писал: „Уже второй год продолжается на Дальнем Востоке война. На войне этой погибло уже несколько сот тысяч человек. Со стороны России вызваны и вызываются на действительную службу сотни тысяч человек, числящихся в запасе и живших в своих семьях и домах. Люди эти все с отчаянием и страхом или с напущенным, поддерживаемым

*) Там же — стр. 12, 13. **) Там же — стр. 14.